

СЛИВКО СТАНИСЛАВ ВАДИМОВИЧ

ВКЛАД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ИСПАРТА В ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

В статье рассмотрена деятельность Дальистпарта по сбору и сохранению исторических источников по истории революционного движения, российских революций, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Рассмотрено взаимодействие Дальистпарта с архивными учреждениями. Исследовано создание и функционирование партийного архива Далькрайкома ВКП(б), созданного под эгидой Дальистпарта.

Ключевые слова: Дальистпарт, Дальний Восток, архивная служба, партийные архивы, ВКП(б).

Keywords: Far Eastern Commission on the History of the October Revolution and the RSP(b) in the Far East, Far East, archival service, party archives, All-Union Communist Party (Bolsheviks).

Начальный этап изучения истории революционного движения, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке неразрывно связан с деятельностью Дальистпарта, которая осуществлялась с 1922 по 1939 год. Дальистпарт в значительной мере заложил основы советской исторической науки на Дальнем Востоке СССР и приложил колоссальные усилия к сохранению архивного наследия Дальневосточного региона.

Постановление Дальбюро ЦК РКП(б) об организации Дальневосточной комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) на Дальнем Востоке (Дальистпарт) при Дальбюро ЦК РКП(б) было принято 19 сентября 1922 года¹. В Положении о Дальневосточной комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) на Дальнем Востоке (Дальистпарт) при Дальбюро ЦК РКП(б) указывалось, что «комиссия имеет своей задачей собирание, обработку, изучение и издание всякого рода относящихся к истории Октябрьской революции и РКП материалов как в ДВР, так и за границей, каковые она может требовать от отдельных членов партии, парторганизаций и через последние от государственных органов». В этом документе был определён круг функций Дальистпарта по сбору, обработке и изданию материалов, его структура, а также финансовое и материально-техническое обеспечение. Филиалами Дальистпарта становились областные бюро из трёх человек (председатель, заместитель председателя и секретарь). Для сбора документов и материалов в областях и уездах, а также и за границей могли действовать уполномоченные Дальистпарта. Дальистпарт входил в структуру Дальневосточной организации РКП(б) — областные бюро истпарта организовывались при областных комитетах РКП(б), а уездных уполномоченных выделяли уездные партийные комитеты.

Особую роль в деятельности Дальневосточного истпарта играло взаимодействие с архивными учреждениями. Особенности Гражданской войны на Дальнем Востоке крайне негативно отразились на сохранности дальневосточных архивохранилищ, которые не представляли собой единой системы вплоть до реализации декрета СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 года, начавшейся лишь с конца 1922 года [1, с. 35]. Места хранения большинства архивов зачастую не предусматривали выполнения даже элементарных правил противопожарной безопасности, что в условиях ведения боевых действий приводило к катастрофическим последствиям для сохранности фондов. В условиях Гражданской войны крупные ведомственные архивы бывших органов власти и управления зачастую находились без должного

надзора, разорялись противоборствовавшими сторонами. Имело место массовое целенаправленное изъятие архивов и архивных коллекций с последующим вывозом их за рубеж.

В годы Гражданской войны был нанесён существенный ущерб архивам как дореволюционного, так и послереволюционного времени, так как они неоднократно перевозились с места на место и переходили из рук в руки. Архивы органов советской власти и организаций РСДРП(б) — РКП(б), представлявшие особый интерес для Дальистпарта, были подвержены двойной опасности: в ходе военных действий их уничтожали не только белые, но и красные, так как попавшие в руки белых материалы могли раскрыть военную тайну, угрожать безопасности сторонников советской власти и упростить для белых контрразведок задачу разгрома коммунистического подполья. Поэтому уничтожение документов во время отступлений было типичным явлением. Также имело широкое распространение и элементарное пренебрежение к архивным документам со стороны военнослужащих противоборствующих сторон и мирного населения, которые использовали архивные документы для хозяйственно-бытовых нужд². Подобное отношение к архивам продолжало иметь массовое распространение на протяжении 1920-х годов, с чем Дальистпарт и архивные органы активно боролись.

Слабыми местами в работе архивных учреждений в это время были их недостаточная укомплектованность квалифицированными специалистами и малое количество выделяемых штатных единиц (исключение составляло лишь Приморье), дефицит площадей архивохранилищ, тяжёлые условия труда архивных работников и низкий уровень его оплаты. Все эти обстоятельства затрудняли задачи концентрации и систематизации архивных документов, замедляя становление архивного дела в крае, которое растянулось до конца 1920-х годов³. Однако, несмотря на упомянутые трудности, архивные органы крупных городских центров Дальнего Востока (Хабаровск, Владивосток, Чита, Благовещенск) к концу 1920-х годов могли производить приёмку архивных материалов на хранение, выявлять и описывать фонды, выдавать архивные материалы и печатные издания во временное пользование учреждениям и организациям, а также выполнять архивно-технические работы⁴.

Организация работы Дальневосточного истпарта, местных истпартовских комиссий и уполномоченных была тесно связана с деятельностью архивных учреждений. В фондах политсекций архивов концентрировались богатейшие материалы по истории революционного движения и Граждан-

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.

³ ГАХК. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

⁴ Там же.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.

ской войны. Выдачу документов по запросам Дальистпарта архивисты осуществляли в особом порядке, установленном циркулярными письмами Центрархива, который предусматривал передачу дел во временное пользование без специальных разрешений. Сроки и объём выдаваемых материалов, как правило, не ограничивались. В год представителям Дальистпарта выдавались десятки, а иногда и сотни дел.

Выявленные материалы публиковались в сборниках Дальистпарта, использовались при составлении хроник и очерков революционных событий. Однако до создания Дальневосточного краевого архивного бюро 15 ноября 1925 года это было сопряжено со значительными трудностями, нарушавшими ритм работы Дальистпарта и сказывавшимися на качестве его изданий. При составлении сборника документов и материалов «1905 год на Дальнем Востоке» архивные материалы не были использованы по причине того, что «представляли из себя груды бумаг, не только не систематизированных, но даже не разобранных, сваленных в одну кучу»⁵. В итоге главная цель сборника не была достигнута, так как революционные события 1905 года оказались в нём представлены неравномерно и, как правило, освещались с помощью мемуаров.

В своих исследованиях Э. М. Шельдешев, Н. Н. Бендик, Н. И. Рубан неоднократно указывали на вклад Дальистпарта в необоснованный вывоз ценных архивных материалов в Москву и истощение источниковой базы для развития исторической науки на Дальнем Востоке. Действительно, в 1920-е годы был начат усиленный вывоз архивных документов в центр [14, с. 43–44; 1, с. 164; 9, с. 66]. Причиной этого были отсутствие условий для хранения ценных документов и значительная угроза их сохранности, а также большая потребность центральных партийных и советских органов в материалах периода Гражданской войны и интервенции. Концентрация материалов приводила к более эффективному их использованию в политических целях, а также ограничивала к ним доступ нежелательных лиц. Тем не менее не все вывезенные в Москву документы систематизировались и разрабатывались. В 1931 году выяснилось, что дальневосточные документы, высланные в начале 1920-х годов в Москву, не были разобраны⁶.

Широкий масштаб этой работе, по мнению указанных исследователей, придал уполномоченный Дальистпарта В. П. Голионко. Однако этот взгляд не совсем соответствует действительности. В. П. Голионко высылал документы по линии сначала Владивостокского, а затем Дальневосточного краевого архивного бюро, руководителем которых он являлся. Эта отправка документов осуществлялась на

основании директивных указаний Центрархива, которые Голионко исполнял в полном соответствии со своими должностными обязанностями. С другой стороны, в 1923 году им был осуществлён вывоз в Москву историко-революционных документов по линии истпарта. В Дальистпарте сочли, что направленные Голионко материалы случайно не были доставлены в Читу и человек, с которым их передали, направился в Москву⁷. Однако в скором времени заведующий Дальистпартом Г. А. Мучник и секретарь Дальистпарта Н. Аникьев обвинили Голионко в «спекуляции и присвоении исторического материала». Дело в том, что В. П. Голионко известил Истпарт ЦК, в обход Дальистпарта, об имеющихся у него документах о становлении советской власти на Дальнем Востоке в 1917–1918 годах, а также интервенции и калмыковском терроре. Секретарь Истпарта ЦК РКП(б) М. Бош предложил Голионко выслать их в Москву для ознакомления. Однако после вмешательства Дальистпарта Истпарт ЦК согласился на то, чтобы материалы были переданы в распоряжение Дальистпарта⁸. Таким образом, речь шла о частной инициативе уполномоченного Дальистпарта, работавшего в системе архивных органов.

На протяжении 1920-х годов Дальневосточный истпарт и его местные уполномоченные противодействовали тенденции необоснованного вывоза архивных документов с Дальнего Востока, многократно предупреждая архивные органы, Истпарт ЦК ВКП(б) о невозможности лишать местные фонды ценных материалов, так как это ставило под угрозу реализацию планов его работы и издание сборников документов. Заведующий Владивостокским архивным бюро Фёдоров и заведующий политсекцией Столяров в письме Центральному архивному управлению СССР от 4 сентября 1928 года сообщали: «Дальистпарт настаивает, что никакие подлинные документы, имеющие историческую ценность, не должны посылаться с Дальнего Востока в центр без его разрешения»⁹. Кроме того, уполномоченный Дальистпарта, заведующий Музеем революции Н. З. Коляда возражал против передачи Центрархиву подлинных архивных документов даже для снятия копий, так как это парализовало бы на значительное время работу музея¹⁰. Речь шла о листовках и газетах 1918–1922 годов в количестве 523 экземпляров, 157 документах делопроизводственной документации, 372 фотографиях, отражавших партизанское движение и действия интервентов на Дальнем Востоке.

В связи с вышеизложенным не следует причислять Дальистпарт к числу виновных в истощении дальневосточ-

5 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.

6 ГАХК. Ф. П-442. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.

7 Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 31.

8 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 111. Л. 13, 14.

9 ГАПК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 40.

10 ГАПК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

ной источниковой базы исследований по истории Дальнего Востока. Активно этому противодействуя, используя свои обширные научно-исследовательские и деловые связи, Дальневосточный истпарт существенно её обогатил, сохранив и частично введя в научный оборот источники различных типов по истории революционного движения, Гражданской войны и интервенции: делопроизводственную документацию, периодические печатные издания, листовки, обширный пласт мемуарной литературы и т. д.

Близость задач, стоявших перед Дальистпартом и архивными органами, привела к тому, что в 1926 году партийно-государственное руководство Дальневосточного края было вынуждено рекомендовать совмещение должностей заведующих архивными органами с должностями уполномоченных истпарта соответствующих территорий. Тенденция слияния архивной и историко-партийной работы на местах нашла своё высшее выражение в назначении на должность заведующей Дальистпартом главы Дальневосточного архивного бюро Э. В. Климовской (1926 г.). Однако уже через полгода она попросила коллегия Дальистпарта освободить её от занимаемой должности в связи со «100% загруженностью» на архивной работе¹¹.

Специфика деятельности Дальистпарта и архивных учреждений приводила к необходимости тесного контакта с органами государственной безопасности. Белая эмиграция в Маньчжурии представляла собой значительную силу, деятельность которой была связана с подрывной работой иностранных разведок. В то же время Дальний Восток являлся территорией, где был ликвидирован последний очаг внутренней контрреволюции, в силу чего некоторая часть враждебных советской власти элементов осела здесь. Однако до середины 1920-х годов на Дальнем Востоке действовал целый ряд подпольных антисоветских организаций, с которыми шла ожесточённая борьба [4]. Кроме того, в надежде остаться невыявленными на Дальний Восток бежали контрреволюционеры из других регионов страны. В условиях острого дефицита рабочей силы вступление в рабочие для них никаких трудностей не представляло [2, с. 6–8]. Учитывая, что на Дальнем Востоке опасность проникновения в РКП(б) чуждых элементов и явлений была значительно большей, чем в других районах страны, краевая партийная организация много внимания уделяла вопросам роста и качества своих рядов.

В распоряжении Дальистпарта имелось значительное количество материалов о различных деятелях Белого движения, которые интересовали ОГПУ, а затем и НКВД. Органы госбезопасности осуществляли поиск лиц, участвовавших в годы Гражданской войны в белых карательных отрядах и

оставшихся на территории СССР. Дальистпарт предоставлял необходимые справки на основе данных, находящихся в партийном архиве и фондах Дальистпарта. Кроме того, сближению работы дальневосточных историков и чекистов способствовало закрытие в 1926 году Центральным архивным управлением свободного доступа к архивам охранных отделений и жандармских управлений — лишь истпарты, ОГПУ и Верховный суд сохраняли за собой право использования в своей деятельности этих документов и материалов. Дальистпарт оказывал содействие не только в поиске белых карателей и провокаторов царской охранки, но и предоставлял материалы для судебных процессов над ними.

В то же время имелись случаи, когда ОГПУ помогало Дальистпарту выявить ценные документы и материалы. В июле 1923 года им было получено от ОГПУ дело генерала В. Г. Болдырева, содержащее в себе ценные материалы о событиях 1920 года в Приморье¹². Работники госбезопасности, участвовавшие в революционном движении и Гражданской войне, активно работали в составе групп содействия Дальистпарта и принимали участие в его деятельности. Наиболее яркий пример можно видеть в лице заместителя председателя ОГПУ М. А. Трилиссера. Известен также случай назначения уполномоченным Дальистпарта в Завитинском уезде Амурской губернии начальника уездного ОГПУ Н. Юшкова¹³.

Исключительно важной была связь Дальистпарта с участниками революционного движения и Гражданской войны. В методических рекомендациях по организации работы амурскому уполномоченному истпарта Г. И. Шпилеву заведующий Дальистпартом Г. А. Мучник указывал: «Мы рекомендуем, во-первых, создать группу местных участников, партийцев, рабочих, предложить им написать свои воспоминания, проверив их на групповых читках. В беседах можно выяснить о всех изданиях того времени, что уцелело, где можно найти и т. д.»¹⁴. Таким образом, на повестку дня выносились не только задача сбора документов и материалов, но и их внутренней критики. В то же время старых большевиков использовали и для «просмотра исторического материала на предмет придания им правильного ленинского анализа во избежание извращения истории нашей партии»¹⁵. Эти рекомендации заведующей Дальистпарта Э. В. Климовской, сделанные 14 мая 1926 года, напрямую связаны с участием истпартов в борьбе против троцкистско-зиновьевской оппозиции в ВКП(б).

Сбору воспоминаний участников революционного движения Дальистпарт в 1920-е годы уделял особое внимание

¹² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 110. Л. 21.

¹³ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. П-99. Оп. 1. Д. 6. Л. 8, 11.

¹⁴ ГААО. Ф. П-99. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

¹⁵ ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

¹¹ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

по тем же причинам, что и истпарты России. Дальистпарт практиковал несколько форм сбора воспоминаний: запросы отдельных участников революционного движения с просьбами написать и выслать свои воспоминания; издание и рассылку анкетного материала; проведение вечеров воспоминаний. Невысокий уровень грамотности и образования основной массы участников революционных событий в 1920-е годы, а также их чрезмерная трудовая загруженность стали причинами того, что к первой форме прибегали реже всего. Использование анкет было более частой практикой, но имело ряд недостатков: ответы анкетировавшихся, как правило, отличались односложностью и должны были вписываться в строгую схему, что снижало их информативный потенциал. Однако Дальистпарт стремился преодолеть ограниченность анкетной формы сбора воспоминаний с помощью предоставления уполномоченным права вносить коррективы в структуру, вопросы и т. д.¹⁶. В условиях бумажного дефицита и трудностей с типографским изготовлением анкет они зачастую переписывались и заполнялись от руки¹⁷.

Значительное количество мемуарных источников удалось собрать при проведении так называемых вечеров воспоминаний, которые стенографировались и подвергались литературной обработке. Организуя вечера воспоминаний, Дальистпарт и его уполномоченные привлекали общественное внимание к истпартовской работе, способствовали накоплению информации о революционной истории Дальнего Востока и осуществляли агитационно-пропагандистские функции. Выступления на вечерах стенографировались, отпечатывались на пишущей машинке и предоставлялись выступающим, а также другим старым большевикам для исправления и критики. Важным элементом сбора воспоминаний было сотрудничество с редакциями дальневосточных газет «Тихоокеанская звезда», «Красное знамя», «Амурская правда» и другими. Через них Дальистпарт оповещал население о своих мероприятиях и приглашал к сотрудничеству, а также получал в своё распоряжение рукописи воспоминаний, фотографии, фольклор и другие материалы. Группы содействия Дальистпарту на КВЖД, в Забайкалье, в Приморской и Амурской областях собрали значительное количество как воспоминаний, так и документов¹⁸. К составлению воспоминаний привлекались также школьные учителя, преподаватели и слушатели совпартшкол, что также способствовало расширению работы истпарта. С помощью учителей школы № 2 г. Хабаровска удалось собрать воспоминания школьников о японском выступлении 4–6 апреля 1920 года и партизанском движении на Дальнем Востоке¹⁹.

Несмотря на то что Дальистпарт в 1920-е годы при редактировании мемуаров не прибегал к их кардинальной смысловой правке, среди мемуаристов имелось недовольство редакторской работой истпартобработчиков, а некоторые члены групп содействия считали, что «этим истпарт отталкивает от себя пишущих»²⁰.

Особое значение имело вовлечение в работу Дальистпарта членов Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ВОПК) и Всесоюзного общества старых большевиков (ВОСБ). Члены этих обществ имели большой опыт работы в революционном подполье и сохранили богатые воспоминания о пережитом, а также некоторые документы и материалы. М. Н. Покровский, являвшийся одним из организаторов истпарта, отводил значительное место использованию мемуаров в истпартовской работе. Во время создания центрального истпарта в разговоре с В. И. Лениным М. Н. Покровский отмечал, что «история партии, в особенности за подпольный период, опирается не столько на документы, сколько на воспоминания непосредственных участников. Тут нужны не столько историки-специалисты, сколько старые товарищи, очень близко стоявшие к партийной жизни»²¹.

ВОПК объединяло в своих рядах представителей всех революционных партий и групп, подвергшихся репрессиям самодержавия до февраля 1917 года. Непременным условием членства в обществе была лояльность к советской власти и РКП(б) после Октября 1917 года. В общество не принимались «подаванцы» (революционеры, подавшие в судебные органы прошения о смягчении своей участи), уголовные преступники и нарушители революционного кодекса чести. Одной из главных целей общества было «хранение, разработка и опубликование материалов, имеющих историческую, революционную ценность и касающихся жизни и быта каторги и ссылки в дни царского режима»²².

Ввиду того, что членами общества являлись приверженцы различных политических направлений, в прошлом враждебных большевизму, отношение к ВОПК на первых порах было настороженное. На совещании старых членов РКП(б), созванном 27 сентября 1923 года по инициативе Дальистпарта, рассматривался вопрос о взаимоотношениях с обществом политкаторжан. Итогом совещания стало решение о взаимодействии с ВОПК для совместного изучения истории каторги и ссылки. Допуск в архивы для членов общества оформлялся только через Дальистпарт, который, в свою очередь, получал доступ к материалам, собранным обществом²³. Также совещание направило запрос

16 ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 35. Л. 176–186.

17 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–12.

18 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 22. Л. 22. Д. 26. Л. 1.

19 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 462.

20 ГАО. Ф. П-99. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.

21 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 886. Л. 2.

22 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 533. Оп. 5. Д. 1. Л. 8–10.

23 РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 110. Л. 10.

в ЦК РКП(б) о характере взаимоотношений с ВОПК, ответ на который дал заместитель заведующего Истпартом ЦК П. Н. Лепешинский: «Что касается взаимоотношений, то у нас с обществом — официальные. Вообще же необходимо быть осторожными по отношению к обществу и иметь над ним политический контроль»²⁴.

Однако после нескольких лет совместной работы и установления над обществом контроля со стороны его коммунистической фракции настороженное отношение к ВОПК было преодолено, и оно стало одним из ближайших соратников Дальистпарта. Кроме того, активное участие в работе ВОПК принимал заведующий Дальистпартом Г. А. Мучник (до 1917 г. — большевик) и секретарь Дальистпарта В. Я. Бердичевская (до 1917 г. — анархо-коммунистка, член ПСР, член ВКП(б) с 1923 г.). Уполномоченный Дальистпарта в г. Благовещенске К. Э. Кидал (член ВОСБ, до 1917 г. — большевик) являлся старостой Благовещенского отделения ВОПК²⁵.

Важным звеном работы Дальистпарта были организация музейного историко-революционного дела и сотрудничество с краеведческими музеями. Это позволило внести немаловажный вклад как в научно-исследовательскую работу, так и в дело сбора архивных материалов. В 1920-е годы на Дальнем Востоке при содействии истпарта появляются музеи революции и историко-революционные отделы при краеведческих музеях. Организация музеев и выставок являлась результатом научной систематизации, разработки и обобщения собираемых документов и материалов, что, в свою очередь, было тесно связано с процессом становления самой историко-партийной науки на Дальнем Востоке и Дальневосточного истпарта как её центра. Вместе с тем музеи и выставки предстают и как форма работы — они активно служили пропаганде задач истпарта, привлекая к его деятельности внимание партийной и советской общественности, широких масс населения, помогая тем самым созданию источниковой базы изучения истории партии и революции [6, с. 5].

В рамках подготовки празднования 10-летия Октябрьской революции заведующий Амурским губернским музеем В. Попов совместно с амурским уполномоченным истпарта К. Э. Кидалом приняли ряд мер по расширению музейного подотдела истории революции²⁶. С этой целью Дальистпарт передал в музей значительное количество фотографий, листовок политических партий, изданий периодической печати, актов и документов делопроизводства советской власти и белых правительств за 1917–1922 годы, личных вещей революционеров и красных партизан и т. д.²⁷.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 110. Л. 10.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 856. Л. 61.

²⁶ ГААО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 77. Л. 1–8.

²⁷ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 25.

В 1925 году Владивостокский государственный областной музей направил Дальистпарту документы по истории революционного движения 1905–1907 годов²⁸. В 1927 году комиссия истпарта Приморского окружкома ВКП(б) инициировала открытие во Владивостоке Музея революции, приурочив его к 10-летию Октябрьской революции. Фонды музея комплектовались из различных источников. Окружком ВКП(б) обратился к гражданам через газету «Красное знамя» и райкомы партии с просьбой передать музею все находящиеся у них на руках документы, листовки, газеты и фотоснимки, отражающие историю революционной борьбы на Дальнем Востоке. Жители Владивостока и Приморской области откликнулись на просьбу и предоставили в распоряжение музея большое количество материалов. Часть документов была получена от истпарта и профсоюзов, а значительное число листовок и документов в музей направило окружное архивное бюро. Заведующим Музеем революции стал уполномоченный истпарта по Приморской области Н. З. Коляда, работавший прежде в окружном архивном бюро²⁹.

Выявленные источники подверглись систематизации и публиковались в сборниках Дальистпарта, регулярно выходящих в 1923–1925 годах [10; 11; 12]. Через публикуемые документы и материалы в них всесторонне освещались различные эпизоды революционного движения и Гражданской войны на Дальнем Востоке. Наряду с мемуарами, сборники содержали в себе документы по истории социал-демократических организаций Дальнего Востока, революции 1905–1907 годов, революций 1917 года. В них находили отражение дальневосточные особенности установления и падения советской власти в 1917–1918 годах, функционирования белых режимов, интервенции, партизанской борьбы. Были опубликованы некоторые документы по истории белого движения, предпринимались попытки освещения так называемой демократической контрреволюции. Значительный резонанс имела публикация документов, относившихся к восстанию под руководством генерала Р. Гайды во Владивостоке.

Подводя итог деятельности Дальистпарта в 1920-х годах, следует отметить большую работу, осуществлённую сотрудниками, уполномоченными истпарта и членами групп содействия, главным содержанием которой стало создание источниковой базы по истории революционного движения и Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В 1930-е годы Дальистпарт продолжил деятельность по сбору и обработке исторических источников, перейдя к научно-исследовательской работе. Тематика исследований в это время постепенно смещалась в сторону истории

²⁸ Там же.

²⁹ ГАПК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

Гражданской войны и борьбы с интервенцией, что было в немалой степени обусловлено напряжённой международной обстановкой и формированием нового очага войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе вследствие экспансии милитаристской Японии в Китай и усиления угрозы японского нападения на СССР.

Сотрудничество Дальистпарта с партизанскими комиссиями различных уровней, дальневосточными отделениями историко-революционных общественных организаций и учреждений позволило Дальистпарту продолжить обширную работу по сбору и систематизации документов и материалов.

Большая помощь в подготовке XIII тома была оказана Дальистпартом секретариату редакции многотомной «Истории Гражданской войны в СССР» (ИГВ) под руководством И. И. Минца. Связь Дальистпарта с секретариатом осуществлялась через заместителя заведующего Дальистпартом А. П. Шурыгина. Со стороны секретариата контакты поддерживал редактор-консультант Г. Е. Рейхберг. Эти отношения в дальнейшем приведут к многолетней совместной работе Шурыгина и Рейхберга, на протяжении 1950-х и 1970-х годов, над вопросами истории интервенции и Гражданской войны на Дальнем Востоке. Содействие Дальистпарта выражалось в отправке секретариату копий документов и материалов по истории интервенции и Гражданской войны. В 1934 году было выявлено и отослано 246 документов и 26 воспоминаний, в 1935-м — 56 документов и свыше 700 карточек хроники об Октябрьской революции и Гражданской войне на Дальнем Востоке³⁰. Также в Москву высылались схемы, карты, фотографии и другие материалы. Благодаря Дальневосточному истпарту были введены в оборот воспоминания японского генерала Нисикавы о событиях 4–6 апреля 1920 года, направленные секретариату в конце 1933 года³¹. Несмотря на то что XIII том «Истории» так и не был издан, всё-таки в свет вышел сборник «Таёжные походы», значительный пласт материалов которого был собран Дальистпартом. Сотрудничество Дальистпарта и редакции ИГВ привело к написанию фундаментальных трудов по истории интервенции и Гражданской войны на Дальнем Востоке. Ярким примером этого является издание монографии Г. Е. Рейхберга «Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.)» [8]. Также Дальистпарт внёс немалый вклад в создание героического образа С. Г. Лазо, сбор материалов о жизни и деятельности которого стал одним из важнейших направлений работы. Существенно обогатили фонды Дальистпарта материалы и комментарии к ним, высланные Восточно-Сибирским истпартом³².

Утверждение историка Э. М. Шельдешева, будто подготовка «Истории Гражданской войны» обернулась для дальневосточных архивов новыми потерями ценных материалов, не во всём соответствует действительности. При сопоставлении сохранившихся описей материалов, переданных в Москву секретариату ИГВ, с содержанием фонда Дальистпарта в Государственном архиве Хабаровского края нами установлено, что подавляющее количество отправленного в Москву представляло собой копии подлинников или копии с копий. Исключение составляют лишь некоторые документы по истории японской интервенции. Мало того, секретариат ИГВ не переставал уточнять в переписке с Дальистпартом, как и за чей счёт производится копирование материалов для отправки³³. На заседании же комфракции Дальневосточного землячества ВОПК в Москве, где присутствовали ключевые фигуры секретариата и обсуждались планы работ над дальневосточной составляющей ИГВ, соблюдался подчеркнuto уважительный тон в отношении принадлежности материала, собранного Дальистпартом³⁴. Например, в Дальистпарте находился единственный в стране полный комплект печатного органа Дальсовнаркома — газеты «Дальневосточные известия» — за 1917–1918 годы в составе 169 номеров, представлявший собой исключительную ценность для исследования становления советской власти и начального этапа Гражданской войны³⁵. Однако на совещании рассматривалась лишь возможность копирования газет на месте или же направления в Хабаровск представителей ИГВ для работы с комплектом. Вопрос о вывозе источника с Дальнего Востока в каком-либо виде даже не поднимался.

Кроме того, Дальистпарт продолжал сопротивляться вывозу документов с Дальнего Востока, несмотря на директивные указания Центрального архивного управления. В письме на адрес Института Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) заведующий Дальистпартом А. П. Станкевич утверждал, что массовые выемки документов из дальневосточных архивов «по меньшей мере, ненормальны». А так как участие Дальистпарта в разработке историко-революционных материалов предусматривается, то согласовывать с ним изъятие документов необходимо, чтобы не срывать планы работы. В этом же письме А. П. Станкевич поднимал вопрос о доступе Дальистпарта к уже вывезенным с Дальнего Востока материалам и предлагал содействовать приостановлению высылки материалов из Владивостокского музея революции в Центрархив³⁶. Попытки изъятия Центрархивом подлинных документов из Хабаровского музея революции благодаря сопротивлению Дальистпарта закончились тем,

30 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 9. Л. 30–55.

31 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 13. Л. 83.

32 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 17. Л. 113.

33 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 15.

34 РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–65.

35 ГАХК. Ф. П-442. Оп. 2. Д. 2. Л. 31.

36 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.

что Центрархив согласился за свой счёт сделать копии с изымаемых документов и оставить копии в распоряжении музея. Иного пути сохранить документы в составе дальневосточной источниковой базы не было, так как существовали нормативно-правовые акты, устанавливавшие порядок концентрации подобных материалов в Москве³⁷. Однако на возможностях дальневосточных историков опираться на эти источники в исследованиях, пусть даже и в копиях, данный факт не сказался.

Необходимо отметить, что с каждым годом всё настойчивее высказывалась мысль о необходимости возвращения на Дальний Восток изъятых материалов, так как отсутствие документов часто затрудняло работу Дальистпарта и «товарищи, взявшие на проработку ту или иную тему, отказываются это делать из-за отсутствия документов, а Дальистпарт по ряду вопросов из истории партии и революции на Дальнем Востоке имеет возможность выпускать лишь сборники воспоминаний, что не имеет большой научной ценности»³⁸. Однако общегосударственную тенденцию переломить было не так просто, а центральные архивные органы предпринимали новые шаги по концентрации документов. Инструктивное указание Центрального архивного управления от 11 ноября 1933 года № 71-2-391с предусматривало концентрацию архивов жандармских управлений и охранных отделений со всеми их описями и личной картотекой³⁹. Этим срывались даже планы местных архивов и органов государственной безопасности. Амурское областное архивное бюро не смогло выполнить важную для Дальистпарта и ОГПУ задачу составления карточек и алфавитного указателя на провокаторов, жандармов и агентов полиции⁴⁰. Тем не менее Дальистпарт сделал всё, от него зависящее, чтобы сохранить целостность и ценность историко-революционных архивных фондов Дальнего Востока.

Во второй половине 1930-х годов Дальистпарт стал использовать новый метод сбора воспоминаний. Всё началось в 1936 году, когда группа украинских коммунистов и комсомольцев завода № 9 под руководством А. В. Могилы решила провести поход по местам сражений Первого Тунгусского отряда. Заручившись поддержкой П. П. Постышева, группа отправилась в Киев и Москву, где её участники встретились и провели беседы с партизанами-дальневосточниками. Прибыв на Дальний Восток, члены группы получили содействие от Далькрайкома ВКП(б) и Дальистпарта в подготовке и проведении похода, который успешно состоялся в 1936 году⁴¹. В пути группу сопровождал сотрудник Дальистпарта, высту-

павший как консультант по сбору и записи воспоминаний. В итоге было собрано 82 воспоминания о действиях отряда и роли П. П. Постышева в Гражданской войне, переданных на хранение в Дальистпарт⁴².

Особый интерес имели воспоминания соратников Лазо и свидетелей его борьбы за советскую власть, которые были собраны Дальистпартом в большом количестве и были призваны оживить сухой язык документов. Работники Дальистпарта вступали в переписку с авторами, давали методические рекомендации для составления воспоминаний: «Недостатком воспоминаний является попытка дать общую обстановку без подтверждения фактами, примерами. Больше всего обращаем внимание на факты, примеры, наиболее яркие, интересные картины из боевой жизни, старайтесь писать так, как будто вы кому-нибудь рассказываете»⁴³.

Эффективность совершённого похода была несомненна, и летом 1938 года совместно с работниками секретариата ИГВ и Дальневосточного краевого архивного управления Дальистпарт планировал провести масштабную экспедицию по местам действия партизанских отрядов во время Гражданской войны. По мысли И. И. Минца, маршрут экспедиции должен был пролегать через Хабаровск, Владивосток, Сучан, Волочаевку, Благовещенск, Читу, Улан-Удэ, Иркутск. В её ходе секретариат ИГВ рассчитывал собрать значительное количество мемуарных и документальных источников. На местах был начат подбор материалов к приезду экспедиции, активную работу развернули архивные органы и и. о. заведующего Дальистпартом А. П. Шурыгин, но репрессии 1937–1938 годов помешали осуществить задуманное.

С целью обмена опытом и выявления новых документов Дальистпарт поддерживал контакты с другими истпартами СССР: Украинским, Белорусским, Ленинградским, Самарским, Западно-Сибирским, Восточно-Сибирским, Якутским, Татарским, Одесским и другими. Кроме того, предметом переписки были вопросы обмена изданиями региональных истпартов, уточнение биографических сведений о видных деятелях революционного движения на Дальнем Востоке. Наиболее тесные связи Дальистпарт поддерживал с истпартом Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), что было связано со сбором документов и материалов, освещавших жизненный путь С. Г. Лазо, а также отдельные эпизоды Гражданской войны, связанные с его именем. В 1934 году между истпартами был заключён договор о социалистическом соревновании, в котором были зафиксированы обязательства сторон по обработке и систематизации архивных фондов, изданию сборников документов и науч-

37 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

38 ГАХК. Ф. П-442. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

39 ГАПК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 72.

40 ГААО. Ф. П-66. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

41 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 13. Л. 216.

42 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 17. Л. 184.

43 Там же. Л. 171.

ных исследований, составлению тематических картотек, проведению выставок и т. д.⁴⁴

В то же время Дальистпарт выполнял единичные запросы различных общественных организаций. В 1934 году Центральный совет Союза воинствующих безбожников (СВБ) связался с Дальистпартом и попросил выслать копию речи Е. М. Ярославского (председателя СВБ) на процессе по делу барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга. Этот документ был необходим СВБ для издания полного собрания антирелигиозных речей Е. М. Ярославского. Дальистпарт удовлетворил просьбу СВБ и выслал речь в Центральный совет⁴⁵. В первой половине 1930-х годов Дальистпарт продолжает сотрудничество с Дальневосточным отделением ВОПК.

Отдельно следует отметить роль Дальистпарта в становлении партийного архива Далькрайкома ВКП(б) и остановиться на его функционировании в 1930-е годы. 28 июня 1929 года ЦК ВКП(б) утвердил Положение о Едином партийном архиве, в соответствии с которым при Институте Ленина создавался Центральный партийный архив с 26 местными отделениями. Положение определяло состав Единого партийного архива, в который вошли документы партийных комитетов, контрольных комиссий, комсомольских организаций и фракций советских, профсоюзных и других учреждений, а также партийные материалы, хранящиеся у отдельных лиц. Местные истпарты должны были не только организовать, но и осуществлять руководство над деятельностью партархивов. Вместе с положением местным партархивам были разосланы и «Правила приведения в должный порядок, хранения и использования архивных материалов организаций ВКП(б) и ВЛКСМ». Правила стали для партархивов основной инструкцией по методике комплектования, архивно-технической и научной обработке, экспертной оценке документов.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) в Хабаровске было создано Дальневосточное отделение Единого партийного архива. Заведующей партийным архивом Далькрайкома ВКП(б) стала А. Ф. Курдюкова, совмещавшая новую должность с должностью заведующей Музеем революции. Это произошло в 1929 году и совпало по времени с комплексом мероприятий по оживлению деятельности Дальистпарта, который в 1927–1929 годах по ряду причин переживал кризис.

13 октября на заседании секретариата заслушивался доклад заведующего Дальистпартом А. П. Станкевича «Об истпарте Далькрайкома», в котором были сформулированы основные направления историко-партийной работы в крае. В этом докладе были рассмотрены как стратегические задачи Дальистпарта, так и ближайшие мероприятия по оживлению

работы [13, с. 85–87]. Для реализации всех направлений деятельности А. П. Станкевич предложил выделить из разных источников 47 тысяч рублей, указав при этом, что смета является приблизительной. После обсуждения этого доклада секретариат Далькрайкома постановил «утвердить в Истпарте 2 штатных единицы — заведующего истпартком и его помощника, он же заведующий архивом»⁴⁶.

Однако проблемы с финансированием и невниманием местных партийных органов к историко-партийной и архивной работе серьёзно препятствовали развитию партийного архива. В конце 1929 года А. П. Станкевич писал заведующей отделом местных истпартов Института Ленина М. М. Эссен: «Не так давно мы обследовали положение дела в нескольких округах ДВ края, оно в значительной мере безотраднo. До настоящего времени выделенные истпартуполномоченными товарищи к работе не приступили, партархивы находятся в хаотическом беспорядке и их пересылка в край чрезвычайно тормозится. <...> Вообще говоря, на работу истпарта, [музея] революции и архивов обращено в крае внимание настолько недостаточное, что даже до сего времени не выяснено положение истпарта (например, из каких средств производится оплата). Пока Истпарт содержится за счет средств, высылаемых на партийный архив, для нас ясна нелепость подобного положения, но выхода пока нет, а это приводит к задержке нашего отчета, благодаря чему, видимо, средства на архив высылкой приостановлены и мы в настоящее время не имеем возможности проводить оплату архивных работников»⁴⁷. Тем не менее в 1930 году проблемы с финансированием были в целом разрешены и архивная работа сдвинулась с мёртвой точки, хотя и продолжала испытывать ряд серьёзных затруднений в области материально-технического снабжения.

Однако, помимо материально-технических условий, чрезмерно затруднявших работу партийного архива, перед ним очень остро стояли кадровые проблемы. Заведующие архивом, как правило, не были знакомы с архивным делом и сменялись в калейдоскопическом порядке. Только за 1931–1932 годы в партийном архиве сменилось четверо заведующих. В марте 1931 года в Самару выехала А. Ф. Курдюкова. Сменившая её Е. А. Плеханова в начале 1932 года уволилась по болезни. А. Лазарев проработал месяц и «был уволен за бездеятельность». Назначенный по совместительству заведующим в ноябре 1932 года С. Х. Булыгин в декабре был отправлен в четырёхмесячную командировку на лесозаготовки, и его пост заняла Ц. С. Глузман⁴⁸. Даже в таких сложных условиях партийный

44 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 24.

45 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 13. Л. 157.

46 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 147.

47 ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.

48 ГАХК. Ф. П-442. Оп. 2. Д. 2. Л. 31.

архив функционировал, проводя систематизацию дел, описывая фонды и коллекцию периодических печатных изданий, выявлял материалы для составления хроник. И всё же указанные выше обстоятельства не только не позволили архиву в полном объёме выполнить задачи, обозначенные в программе развития Дальистпарта, сформулированной А. П. Станкевичем, но и к середине 1930-х годов практически парализовали его работу.

Причиной кадровых проблем Дальистпарта и партийного архива также можно считать влияние связанных со спецификой Дальневосточного края сильных миграционных потоков, одной из форм которых была текучесть кадров. Значительную долю партийного актива составляли коммунисты, направленные сюда из западных районов страны. Кроме того, ежегодно состав жителей дальневосточных городов обновлялся практически на четверть: в 1929 году в Хабаровск прибыло 20,1 тысячи человек, а выбыло 17,8 тысячи человек, в 1930 году — 32,3 тысячи и 20,2 тысячи соответственно, в 1931 году — 28,9 тысячи и 18,8 тысячи, в 1937-м — 69,2 тысячи и 32,4 тысячи [3]. Естественно, что при столь быстрой смене мест пребывания и службы человек не мог досконально изучить региональные особенности, завязать прочные деловые и личные связи и т. д. Эта ситуация негативно отражалась на деятельности всех учреждений Дальнего Востока, в том числе и на работе Дальистпарта, что хорошо прослеживается на сменяемости работников аппарата, уполномоченных, членов групп содействия и проч. [5, с. 64].

Если в первые годы существования партийный архив занимался приёмкой дел и проводил работы по составлению справочного аппарата, выполняя отдельные запросы партийных организаций, то к концу 1930-х годов его уровень в значительной степени вырос, что было результатом планомерной работы по укреплению кадрового потенциала и материально-технической базы архива.

В развитии партийного архива Далькрайкома ВКП(б) во второй половине 1930-х годов наметились определённые перемены.

План краевого партархива 1936 года не был выполнен вследствие кадровых проблем, поскольку с июня 1936 года заведующая партийным архивом Ц. С. Глузман работала инструктором культпропа и на архивной работе оставался задействованным один технический работник, который был занят работой по выдаче справок на запросы, приведением в порядок и составлением картотеки личных дел, взятых из россыпи. В архиве находилось 1 920 килограммов документов россыпи комсомольского архива, было сконцентрировано около 5 000 личных дел, материалы партийных чисток 1929 и 1933 годов — всё это требовало обработки, постановки на учёт и каталогизации. В дальнейшем эти проблемы систематически решались.

В 1937 году партийный архив принял на хранение 312 дел комфракции Далькомтрана и Дорпрофсожа КВЖД за 1905–1930 годы, 100 дел комфракции Дальневосточного краевого совета профсоюзов за 1923–1934 годы, 52 дела от парторганизации ВКСХШ за 1924–1935 годы. Также поступили 12 364 личных контрольных дела от управления комитета партийного контроля по Дальневосточному краю за 1921–1934 годы. Помимо концентрации документов, архив осуществил реставрацию 17 комплектов газет периода Гражданской войны, оказал помощь Дальистпарту и краевым газетам в подборке материалов к мероприятиям и публикациям в честь 15-летия освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Были восстановлены россыпи 1 119 дел областных партийных архивов с документами за 1917–1930 годы, начата работа по упорядочиванию комсомольского архива (приведено в порядок 546 дел, обработано 580 личных дел комсомольцев). Партийный архив выдал 151 справку в ответ на запросы пользователей. Для справочной работы были приведены в порядок 3 594 личных дела, внесённых в картотеку. Также для справочной работы была составлена картотека на материалы по чистке краевой партийной организации за 1933–1934 годы в количестве 41 197 карточек. Весь указанный объём работ был выполнен благодаря выделению дополнительных ставок архивных работников. В отчёте краевого партийного архива за 1937 год перечислены крупные недостатки в его работе: «а) Архив не имеет хорошо оборудованного помещения, до сих пор еще нет комнаты для хранения секретных материалов, что зависит от отсутствия средств на оборудование архива; б) Архив не имеет научного работника со специальной подготовкой»⁴⁹.

В 1938 году укрепление партийного архива и расширение сферы его деятельности продолжилось. К 1 января 1939 года в архиве было сконцентрировано 41 946 дел, в том числе 22 126 личных дел членов ВКП(б). За год было выполнено 236 запросов. Далькрайком ВКП(б) принял решение о выделении 48 581 рубля для укрепления материально-технической базы архива, из которых 21 000 рублей была получена и истрачена на ремонт инвентаря. Средства предусматривались также на оборудование комнаты для разбора архивных материалов и комнаты посетителей — для них планировалось приобрести шкафы, столы и стулья. На окна в целях безопасности были поставлены железные решётки. Был сделан ремонт архивных помещений, все помещения покрашены, изготовлены новые стеллажи площадью 55,4 кв. м⁵⁰.

49 ГАХК. Ф. П-442. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

50 ГАХК. Ф. П-442. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–6.

План работы партийного архива на 1939 год включал в себя концентрацию архивных материалов Камчатки, Сахалина и всех областей края до 1 июля 1939 года. Планировалось завершить обработку россыпи, проверить секретные фонды с 1 по 23 включительно, продолжить обработку дел из россыпи комсомольского архива, создать макулатурную комиссию, увеличить штат сотрудников до восьми человек и просить крайком ВКП(б) увеличить зарплату техническим работникам до 400 рублей, переплести газеты за 1920–1922 годы, обеспечить архив подшивками всех выходивших в крае газет, оборудовать комнату хранения секретной документации сейфами или железными шкафами, изолировать электропроводку и обеспечить огнетушителями архивохранилища. Несмотря на то что отчёт о выполнении этого плана отсутствует в фонде партийного архива Хабаровского края, его размах и результаты, достигнутые архивом в предшествующие годы, свидетельствуют о серьёзных переменах, произошедших в деятельности партийного архива, и об отношении к нему руководящих партийных органов. Без проведения систематической и многообразной работы по сбору, упорядочиванию, обеспечению сохранности и созданию условий по использованию архивных материалов ВКП(б) последующая работа с ними историков была бы невозможна. Однако эти материалы интересовали не только историков и работников партийного аппарата. Как говорилось в инструктивном письме Центрального партийного архива ИМЭЛ по составлению плана на 1939 год, «в основу всей работы при составлении плана на 1939 г. необходимо как можно больше выделить сотрудников на разбор и описание архивных материалов. Без приведения в надлежащий порядок всего архива нельзя будет полностью использовать архивные материалы в деле разоблачения врагов народа»⁵¹. В соответствии с инструктивным письмом требовалось заполнить подробные анкеты на сотрудников

архива, включая уборщиц и сторожей. За образец должны быть взяты анкеты сотрудников краевого комитета ВКП(б). Все анкеты следовало заверить в краевом комитете ВКП(б) и указать, когда и кем работник был рекомендован для работы в архиве. Эти мероприятия показывают, что в условиях ужесточения общественно-политического режима партийные органы стали придавать архивной работе более серьёзное значение. Вместе с тем среди функций партийных архивов научно-исследовательская работа отдельно не выделялась. Партийный архив Хабаровского края смог к ней перейти лишь в 1950-е годы. В 1939 году в связи с созданием Хабаровского крайкома ВКП(б) архив был реорганизован в партийный архив крайкома партии.

Таким образом, Дальистпарту удалось создать источниковую базу исследований по истории российских революций, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке и заложить основу дальнейших исторических исследований по этим направлениям. Благодаря усилиям Дальистпарта были выявлены, сохранены и переданы на государственное архивное хранение ценнейшие источники по истории российского Дальнего Востока. Дальистпарт оказывал практическую помощь архивным учреждениям Дальнего Востока в работе с архивными документами, принимал активное участие в их публикации и популяризации.

Ликвидация Дальистпарта в 1939 году была произведена в соответствии с директивными указаниями ЦК ВКП(б), а его функции перешли к архивной службе и научно-исследовательским коллективам историков высших учебных заведений [7]. Фонд П-44 Государственного архива Хабаровского края содержит в себе архивные документы, собранные Дальистпартом и отражающие его деятельность. Без обращения к ним не обходится ни одно исследование по истории революционного движения, российских революций, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России.

Список использованных источников

1. Бендик, Н. Н. Становление государственной архивной службы на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. (1920–1929 гг.) / Н. Н. Бендик. — Хабаровск : Колорит, 2002. — 288 с.
2. Войшнис, В. Э. Деятельность дальневосточной краевой партийной организации по улучшению качественного состава своих рядов (1926–1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук (570) / В. Э. Войшнис ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Дальневост. филиал. им. В. Л. Комарова. — Владивосток, 1969. — 26 с.
3. Дубинина, Н. И. Секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л. И. Карвелишвили / Н. И. Дубинина // Материалы 57-й научной конференции преподавателей и аспирантов ДВГГУ, сотрудников Гродековского музея. Секция «Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России». Т. 1. — Хабаровск, 2011. — С. 55–72.
4. Кузнецов, М. С. Борьба Дальневосточной партийной организации за создание условий для успешного развёртывания культурного строительства в 1922–1927 гг. / М. С. Кузнецов // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 10. — С. 3–21.
5. Кулинич, Н. Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920-е – 1930-е годы / Н. Г. Кулинич. — Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2010. — 375 с.
6. Кытманова, С. И. Истпарт и становление историко-революционных музеев (1920–1928 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / С. И. Кытманова. — Москва, 1983. — 28 с.
7. О местных архивах и институтах Истпарта : Постановление ЦК ВКП(б) // В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы / сост. Е. А. Купча ; ред. Ю. Н. Амиантов, В. В. Аникеев, Н. В. Орлова. — Москва, 1988. — С. 52–53.

8. Рейхберг, Г. Е. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) / Г. Е. Рейхберг. — Москва : Гос. соц. экон. изд., 1940. — 209 с.
9. Рубан, Н. И. Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920-е – 1930-е гг.) / Н. И. Рубан. — Хабаровск : ХККМ им. Н. И. Гродекова, 2002. — 216 с.
10. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке : в 3-х кн. Кн. 1 / Дальистпарт. — Чита ; Владивосток : Книж. дело, 1923. — 286 с.
11. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке : в 3-х кн. Кн. 2 / Дальистпарт. — Чита ; Владивосток : Книж. дело, 1924. — 235 с.
12. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке : в 3-х кн. Кн. 3 / Дальистпарт. — Чита ; Владивосток : Книж. дело, 1925. — 156 с.
13. Сливко, С. В. Деятельность Дальистпарта по изучению истории революционного движения, Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (1922–1939 гг.) / С. В. Сливко. — Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2020. — 225 с.
14. Шельдешев, Э. М. Очерк истории исторической науки на Дальнем Востоке (Дальистпарт и его деятельность в 20-е – 30-е гг.) / Э. М. Шельдешев. — Хабаровск : Изд-во Хабар. политехн. ун-та, 1995. — 182 с.

Материал поступил в редакцию 04.05.2023.

Сведения об авторе: Сливко Станислав Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: tov.slivko@mail.ru.